

ПРОЛОГ

Это вечный вопрос авторов, пишущих о разведке: кто есть главная фигура в этой своеобразной отрасли деятельности? Называют офицера — куратора источника информации; вдумчивого аналитика, штудирующего открытые газеты, журналы (в том числе весьма специальные), телевизионные и радиопередачи, сопоставляющего их с секретными донесениями резидентур; опытного, умудренного многолетней службой руководителя отдела или иного важного подразделения в Центре — список можно продолжать и продолжать. Место найдется каждому — и оперативному шоферу, и шифровальщику, и специалисту, снимающему показания разведывательных спутников... (Можно, если угодно, провести некорректную аналогию со знаменитым рассказом Михаила Зощенко, где герой рассуждает, кто в театре важнее — тенор или электрик.)

В принципе, правильный ответ один: все важны, все нужны. Спецслужба — это единая команда, в которой, перефразируя афоризм Александра Суворова, каждый солдат знает свой маневр. Но любой сотрудник спецслужб, кто охотно, а кто и неохотно, вынужден будет признать особую роль в разведке и контрразведке АГЕНТА. А потому в каждой резидентуре с почтением будут относиться к офицеру, обладающему способностью привлекать к сотрудничеству так называемый источник информации, становящийся, по нашей терминологии, агентом*, то есть к офицеру-агентуристу.

Да, так бывает, что человек лет тридцать прослужил в разведке, из них лет двадцать в «точках», то есть в зарубежных резидентурах.

* А вот в США (и ряде других стран), например, агентом или, поднимая должностную планку, специальным агентом именуют штатного сотрудника того же ФБР.

Принес большую пользу, заслужил уважение начальства и коллег. Удостоился высокого звания и наград. Но — так и не завербовал даже самого завалящего агента. В лучшем случае работал с агентом, завербованным ранее.

Вербовка источника информации, особенно ценного, редко бывает заслугой одного офицера. Обычно это плод коллективных усилий. Начинается все с наводчика, то есть человека, указавшего на некоего N, который обладает определенными оперативными возможностями и, предположительно, склонен к сотрудничеству на каких-то основаниях. Наводчиком может быть не только сотрудник резидентуры, но и, скажем, его приятель корреспондент, аккредитованный в этой стране, или даже другой агент.

Затем вступает в дело установщик, то есть лицо, собирающее о кандидате на привлечение к сотрудничеству всю возможную информацию (характер, наклонности, служебное и финансовое положение, сильные и слабые стороны, круг друзей и знакомых, компрометирующие данные и т. п.). Особо учитываются жадность, склонность к азартным играм, алкоголю, непременно — политические взгляды.

Ставится в известность Центр. Там личность кандидата обязательно проверяют по всем возможным учетам. Случается, что данный человек уже является агентом другой родственной спецслужбы, например военной разведки. Или наоборот — имеется подозрение на его сотрудничество с местной контрразведкой.

В благоприятном случае Центр дает согласие на вербовку. В исключительных случаях резидентуре разрешается, вернее, дается право на самостоятельную вербовку. Центр при этом обязательно ставится в известность постфактум.

На последней стадии обычно вступает в дело офицер-вербовщик, вооруженный всей накопленной информацией и снабженный полномочиями. Естественно, агентом становится далеко не каждый «кандидат».

Завербованному агенту присваиваются псевдонимы.

Случаются, правда, редкие исключения, когда и наводчиком, и установщиком, и, наконец, вербовщиком выступает один и тот же сотрудник разведки.

На чем вербуют агентов? Тысячи вариантов. Тут может быть ненависть к существующему на родине вербуемого политическому

режиму, любовь к женщине (чрезмерная), страсть к приключениям, жажда наживы, обида на начальство, сексуальные отклонения и проч. Однако существует самая загадочная категория агентов — профессионалы называют их инициативщиками. Само сие слово уже все определяет. Человека никто не искал, даже не подозревал о его существовании, он пришел к представителю иностранной спецслужбы сам, по собственной инициативе.

Мотивы? Таких также неизмеримое множество. Вообще-то они уже названы. Могут быть как самыми возвышенными — антифашистские убеждения, так и самыми низменными — все то же стремление хорошо пожить за счет секретов собственной страны.

Инициативщик для разведки всегда и удача, и головная боль. С одной стороны, добыча сама просится в руки. Но с другой — инициативщик может оказаться подставой контрразведки противника, либо «пустышкой», никакими ценными сведениями не обладающей, либо, как подвариант последнего, мошенником, охотником за легкими деньгами. Известны случаи, когда инициативщиками выступали психически больные люди, пытавшиеся продать «генераторы лучей смерти» или что-то подобное.

Нас, однако, интересует инициативщик, на протяжении ДВЕНАДЦАТИ лет бывший единственным агентом советской внешней разведки в политическом отделе берлинской полиции периода Веймарской республики, а затем в IV Управлении РСХА Третьего рейха, более известном как гестапо. Это означает, что речь идет об особо ценном источнике информации. Его звали Вилли ЛЕМАН. Обычно его звания перечисляют так: криминаль-инспектор, обер-лейтенант полиции, оберштурмфюрер СС. В советской внешней разведке — А/201, БРАЙТЕНБАХ...

Глава 1

В будний мартовский день 1929 года в полпредство* СССР в Берлине на Унтер-ден-Линден, 63, появился никому ранее не известный посетитель. Довольно высокий, несколько грузный мужчина неопределенного возраста — от сорока до пятидесяти на вид, с длинным, расширяющимся книзу лицом, с длинным же носом, лысоватый, с маленькими хитрыми глазками.

Тогдашнее здание полпредства в войну было разрушено, а затем и снесено. Располагалось оно там, где впоследствии было построено помпезное здание посольства СССР в ГДР, ныне посольства России в Германии. На том же самом, до квадратного метра, месте, потому как на русской земле. И это вовсе не образное выражение, о чем ниже.

Находилось полпредство на левой стороне Унтер-ден-Линден, ровно в 300 метрах от Бранденбургских ворот, если идти к ним от Александерплац, и считать его шедевром архитектуры было никак нельзя. Ближе к Бранденбургским воротам — перекресток с так называемой правительственной Вильгельмштрассе. На перекрестке же располагался знаменитый роскошный отель «Адлон» с его Шепчущимся фонтаном, Зимним садом Гёте и прочими чудесами. С другой стороны к полпредству примыкала куда более скромная гостиница «Бристоль».

Длиннющий фасад с тринадцатью окнами довольно невыразительного внешне здания о трех этажах был окрашен в бледно-зеленый цвет. Внутри же находились великолепные парадные залы для приемов, в том числе знаменитый по красоте Мраморный зал.

* До мая 1941 года дипломатические учреждения СССР за границей назывались полномочными представительствами, возглавляли их, соответственно, полпреды. В мае 1941 года полпредства стали называться, как принято во всем мире, посольствами во главе с послами.

Параллельно главному зданию стояли еще два и справа — третье, соединяющее их. Таким образом, внутри комплекса имелось два небольших дворика с воротами. Третье, четырехэтажное, здание задней глухой стеной выходило на Беренштрассе.

Главное здание полпредства первоначально принадлежало сестре короля Фридриха Великого принцессе Амалии Прусской. Затем неоднократно меняло владельцев. В 1837 году здание (тогда оно называлось дворцом) купила Россия у герцогини Доротеи Дино, графини Талейран Перетер, урожденной принцессы Курляндской, вместе «с инвентарем, трюмо, шкафами, столами и домашней утварью» за немалые тогда деньги — 105 тысяч талеров. По приказу российского императора Николая I в Берлин на 146 подводах доставили русскую землю и рассыпали во дворе под строящуюся по-сольскую православную церковь. Перестраивал под посольство здание и возводил храм архитектор с пахучей фамилией Кноблаух, что в переводе на русский означает «чеснок», немцами растение всегда почитаемое для здоровья и для колбас незаменимое.

С Унтер-ден-Линден в комплекс вели единственные ворота с врезанной в них калиткой для сотрудников и посетителей. Никто не мог войти в полпредство минуя коменданта. На стене возле калитки висел объемистый ящик для почты. Никакого забора или изгороди не было и в помине, потому ни одна живая душа не могла проникнуть в полпредство или, наоборот, покинуть его незамеченной. Особняк имел 101 комнату.

В упомянутые выше времена спецслужбы Веймарской республики не контролировали всех входящих и выходящих. Единственный шуцман, имитирующий охрану дипломатического представительства, неспешно расхаживал туда и обратно вдоль фасада*. Когда скучающий шуцман в очередной раз удалился от калитки, незнакомец и прошмыгнул на территорию полпредства.

Дежурный комендант не мог не уловить исходящего от немца характерного запаха ржаного шнапса. Позже выяснилось, что этот аромат вовсе не был присущ ему от рождения, но приобретен в последующие годы.

* В 1941 году, после нападения Германии на СССР, рейхсминистр Альфред Розенберг вопреки нормам международного права разместил здесь свое Министерство по делам оккупированных восточных территорий.

Посетитель не был записан на прием к кому-либо из ответственных лиц, но настойчиво просил, даже требовал провести его к какому-нибудь начальству. Что-то было в нем, при всей неказистой наружности, такое, что комендант сразу понял: надо вызвать дежурного по полпредству — и поднял трубку внутренней связи.

Дежурный явился быстро — то был сотрудник консульского отдела Михальский, на самом деле кадровый чекист из ИНО* ОГПУ Павел Корнель, служебное кодовое имя Жан.

Ни комендант, ни Корнель, ни тогдашний резидент ОГПУ в Берлине не могли и предполагать, что с этого визита начинается новый, и весьма важный, этап деятельности советской внешней разведки в Германии. Как периода заката Веймарской республики, так и почти десяти лет Третьего рейха...

Павлу Ивановичу Корнелю в описываемое время исполнилось 32 года. Не «всего», как можно было бы написать, но «уже». Поскольку за плечами набежало десять лет партийного и девять — чекистского стажа. Следовательно, и опыта, и навыков, и... интуиции. Последнее — немаловажное качество в разведывательной работе.

Как официальный служащий консульского отдела, Корнель каждый день в присутственные часы имел дело с множеством посетителей-немцев. То было прямое следствие хронической безработицы в Германии. Меж тем в СССР начиналась первая пятилетка. Строились новые заводы, фабрики, электростанции, рудники. Специалистов не хватало. Вот и потянулись в Советскую Россию немецкие инженеры, конструкторы, техники, мастера, монтажники, высококвалифицированные рабочие. Им хорошо платили, обеспечивали продовольственными пайками и жильем.

Однако нынешний посетитель на этот контингент никак не подходил. Да и заявился он не в консульский отдел, а напрямую в полпредство. После нескольких минут разговора все прояснилось. Немец был самым настоящим инициативщиком — с этой категорией Корнель ранее не сталкивался.

Итак, Эрнст Кур. Отставной полицейский. Ранее служил в политическом отделе полиции-президиума Берлина на Александер-

* ИНО — Иностранный отдел ОГПУ СССР. Так тогда назывался Центр советской внешней разведки.

плац — немцы эту площадь, названную в честь российского императора Александра I, обычно называли да и сейчас называют просто Алекс. Почему уволился? Конфликт с начальством. На самом деле, как выяснилось позднее, имело место злоупотребление в корыстных целях служебным положением. В германской полиции это никогда не поощрялось. Более того — преследовалось. У него, Кура, дескать, остались в полиции многочисленные приятели и друзья. Потому он в состоянии снабжать «о-гэ-пэ-у» (так он и произнес, отдельно, с нажимом) полезной информацией. Естественно, за скромное денежное вознаграждение.

Тут было над чем поразмыслить.

Веймарская республика не являлась враждебным государством, в военном отношении никакой угрозы для СССР не представляла, и вряд ли источник, в прошлом полицейский, мог располагать ценной информацией. Тем не менее политическая полиция, формально отдел криминальной полиции, фактически являлась контрразведкой, потому оставалась учреждением важным, ее сотрудники были зачастую людьми весьма информированными, в том числе о вещах, прямо в их компетенции не входивших. К тому же некоторые данные если и не представляли особой ценности для Центра, то могли быть весьма полезны для разведчиков, работавших в Германии либо в иных странах Европы.

Отсюда окончательное решение: предложение принять, пока условно. Используя имеющиеся возможности, проверить Эрнста Кура, которому присвоили номер А/70, а также псевдоним Раупе (Raupе) — Гусеница.

Свой источник в полиции-президиуме был не оперативным сотрудником, а чисто техническим служащим. Он в состоянии был выяснить только, что Эрнст Кур действительно служил в политическом отделе IА полиции-президиума и в зарубежной командировке крупно проштрафился. Дело замяли, но из полиции Куру пришлось уйти.

Очень скоро в резидентуре догадались, что за спиной Кура стоял хорошо информированный действующий сотрудник политической контрразведки. А/70, в частности, сообщил, что на Александерплац взяли в разработку четырех советских граждан: двух стажеров-инженеров и двух дипломатов. Один из последних был сотрудником разведки. Тому имелось и некое подтверждение: коллега Корнеля

несколько дней назад доложил резиденту, что засек наружное наблюдение за собой. Сам по себе Кур об этом знать не мог, однако его сообщение не было плодом его воображения. Свой скромный гонорар — сотню марок — он отработал. Далее Кур дал точные данные о структуре берлинского полицей-президиума (даже нарисовал схемку), особенно подробно — о политическом отделе, с фамилиями руководителей и ответственных сотрудников.

В Центре справедливо пришли к выводу, что необходимо найти того действующего сотрудника, который стоял за спиной Кура и фактически руководил им.

Эта задача была решена. Не сразу, но решена. Оперативным путем прощупали всех бывших сослуживцев Кура, его тамошних друзей и приятелей. Впрочем, сложив два и два, Кур и сам перестал темнить. Однако, явно набивая себе цену, уверял, что это он завербовал своего приятеля!

Нужным человеком оказался криминаль-ассистент, 45-летний Вильгельм Леман, которого все на Александерплац звали просто Вилли, а молодые — так даже «дядюшка Вилли». Кроме всего прочего, Леман ведал картотекой отдела и перепиской. Этим обстоятельством и объяснялась широкая и всегда точная информированность Кура.

Криминаль-ассистент, если условно перевести на армейский лад, должность вовсе не офицерская, скорее фельдфебельская. Но это не должно ввести иностранца в заблуждение. В Германии чинами и званиями не разбрасывались, любой офицер обывателем почитался почти как небожитель. Какого-нибудь затрапезного офицера, уже сто лет в отставке, до самой смерти соседи почтительно именовали «господином капитаном», а его седовласую супругу «госпожой капитаншей».

Двоем с женой Маргарет (супруги были бездетны) Леман обитал далеко от центра города в скромной двухкомнатной квартире. В отличие от Кура он характеризовался как человек серьезный, звезд с неба не хватающий, но крепкий профессионал, добросовестный, аккуратный, непьющий (в том смысле, что не алкоголик, а вообще-то, рюмки шнапса и кружки пива не чуряющийся), не стяжатель, но цену деньгам знающий. Что могло его связывать с Куром, личностью беспутной, непонятно. Однако оказалось, что они действительно были привязаны друг к другу.

Согласия Лемана на сотрудничество еще не было, но как источнику информации ему присвоили номер А/201. Спустя несколько месяцев через Кура с ним установили личный контакт и хорошо продуманную — за 12 лет ни единого сбоя! — связь. Тут-то и выяснилось окончательно, что именно Леман, а не Кур является подлинным инициативщиком, вступившим через друга в тайные отношения с советской внешней разведкой.

Обо всем произошедшем резидентура поставила в известность Центр. Уже в сентябре того же 1929 года в Берлин поступила шифровка из Москвы (полностью публикуется впервые):

«Ваш новый А/201 нас очень заинтересовал. Судя по материалам, которые мы уже получили, источник может развиваться в очень ценного агента.

Единственное наше опасение — это то, что Вы забрались в одно из наиболее опасных для нас мест, где при малейшей неосторожности со стороны А/201 или А/70 может прийти много бед. Считаем необходимым проработать вопрос о специальном способе связи с А/201, причем постановака должна быть такова, чтобы ни при каких условиях А/201 не имел бы нас в руках и не мог бы нас шантажировать. Сообщите, знает ли А/201, на кого он непосредственно работает, и намерены ли Вы его в дальнейшем увязать непосредственно с нами. Считали бы и то и другое нежелательным.

Раз А/201 Вами уже оформлен под самостоятельным номером, нет нужды одновременно упоминать о нем и под кличкой. Как документальные материалы, так и устную информацию, передаваемую через А/70, можно помечать как материалы А/201».

Подписал шифровку (естественно, псевдонимом) сам начальник ИНО, старый большевик и политкаторжанин Михаил Трилиссер.

Резидент в Берлине Николай Самсонов, разведчик весьма опытный, отвечал в письме № 3880 от 9 сентября 1929 года: «§ 2. Относительно А/201-го, о котором Вы упоминаете в Вашем общем письме 36 § 4, могу сообщить, что ему известно, для кого он работает. Непосредственной связи с нами он не имеет. Думаю, что это как раз в интересах работы, ибо, зная, для кого он работает, он может выбрать

материал, нас интересующий, ибо независимо от заданий (вопросов), которые мы ему даем, он, зная, с кем имеет дело, может добывать материалы по вопросам, вообще могущим нас интересовать. Опасность, которая может угрожать в случае провала, нами вполне учитывается и получение материалов от источника обставляется максимумом предосторожностей, причем происходит через А/70-го».

Основные вехи жизни и службы Лемана Павел Корнель выявил уже при личном знакомстве, да и то не сразу. Правда, прояснить подлинные мотивы инициативщика тогда не удалось.

Они встретились в небольшом кафе на берегу одного из многочисленных берлинских озер. Павел сразу оценил предусмотрительность и профессионализм Лемана: в этот прохладный осенний день посетителей на открытой веранде под навесом почти не было.

Коллеги Павла незаметно обследовали место будущей встречи, убедились, что никакого наблюдения за кафе нет, все чисто. Возможно, Леман также предусмотрел, что Павел кафе проверит. Это, конечно, теоретически не исключало подставы, но, во всяком случае, обеспечивало безопасность Павла, как консула, от провокации (не зря Трилиссер, когда А/201 оставался еще загадкой, предупредил о возможности шантажа и тому подобном с его стороны).

Леман оказался крепко сбитым мужчиной, несколько выше среднего роста, с короткой сильной шеей и плотно прилегающими к голове ушами, чуть приплюснутым носом, делающим его похожим на бывшего боксера или борца. Светлые глаза смотрели хитро и весело. Одет неброско, в хорошо сшитый, но далеко не новый костюм с аккуратно повязанным галстуком. В галстук серебристая, с эмалью, заколка-значок: пальмовая ветка, обвитая лентой имперского флага. Оказалось — символ Союза бывших «африканцев».

В целом Леман производил куда более приятное впечатление, нежели его приятель Кур (и, к слову, оказался моложе того лет на семь).

Разговор был прямой и деловой, без взаимного прощупывания и намеков. Леман отлично понимал, что может интересовать его

визави и в настоящее время, и в будущем. Жадности, желания непременно заработать как можно больше и тотчас не проявил. Однако, как все немцы, к деньгам относился с уважением, твердо придерживался правила: хороший труд должен и хорошо оплачиваться. (В те времена далеко не все советские люди принимали сие положение за истину, а если и принимали, то скрывали это, предпочитая говорить об энтузиазме и безвозмездном трудовом порыве.)

Сумма вознаграждения, запрошенная Леманом, выглядела хоть и не мизерной, но вполне разумной и не превышала месячного жалованья полицейского чиновника не самого высокого ранга. Особо важная и ценная информация могла заслуживать дополнительного бонуса. Взвешенно, вполне в пределах сумм, которыми имела право распоряжаться резидентура.

Некоторое представление о мотивации нового агента Корнель, впрочем, получил. Леман явно неодобрительно говорил о нацистах, их хулиганских, на грани с бандитизмом, методах борьбы за власть, явном поощрении Адольфа Гитлера в силовых структурах, в том числе и со стороны его некоторых сторонников на Александерплац. Он не очень разбирался в политике, но то, что творили нацисты на улицах германских городов, просто претило его менталитету старого полицейского служаки. Известное выражение *ordnung ist ordnung* — «порядок есть порядок» — не было для Лемана простым набором слов.

С самого начала этого содружества и до его конца перед резидентурой стоял «вечный» вопрос: насколько прочное положение занимает А/201 на своей службе? Было очевидно, что за сотрудниками политической полиции ведется незаметный, но достаточно серьезный контроль. Независимо от того, имеются для этого какие-то основания, смутные подозрения, «сигналы» со стороны коллег или нет. Это аксиома.

Беспокойство на Унтер-ден-Линден и в Центре особенно усилилось после фактического нацистского переворота (впрочем, вполне конституционного по форме) в январе 1933 года.

В этом отношении весьма примечательна шифровка, которая ушла из Берлина в Москву 19 июня того же года: **«I. В положении 201-го за истекшие 10 дней никаких перемен не замечено. Он считает, что его никто ни в чем не подозревает и что положение его в учреждении крепко.**

Он даже ожидает повышения по службе. Будет ли это связано с переводом в другое место или же он останется в прежнем учреждении, трудно пока еще сказать. Знакомые его Нац.-соц.-ты и доверенное лицо Нац.-Соц. в его учреждении ему несколько раз намекали, что он вскоре "кем-то будет". Несмотря на то, что в партию он еще официально не принят, в кругах Нац.-Соц. его знают и хорошего о нем мнения. Это хорошее о нем мнение объясняю тем, что с начала революции 201-й был, очевидно, против Соц.-Демократов, за последние 13 лет не примкнул ни к одной более или менее левой партии, а с прошлой осени заигрывал с Нац.-Соц. Теперь, когда прошлое каждого чиновника выкапывают, "хорошее" его поведение в прошлом ему очень пришлось кстати».

Необходимо некоторое пояснение: социал-демократы Леману никогда не нравились, хотя он и признавал справедливость некоторых их взглядов на внутреннюю политику. Что справедливо, то справедливо. Но и нацисты в своей пропаганде умело эксплуатировали невзгоды населения и ловко манипулировали мнением масс. В конце концов, подавляющее большинство штурмовиков были выходцами из рабочего класса. (Хотя среди «коричневых» как рыба в воде чувствовали себя и откровенные уголовники. И не только в прошлом.)

Что же касается его заигрывания с «Нац.-Соц.», так то была не только его собственная инициатива. Понимая, что у Гитлера реальные шансы прийти к власти, резидентура подталкивала своего агента к постепенному налаживанию контакта с нацистами. Прямого намека на желательность, даже необходимость вступления в НСДАП, конечно, никто из кураторов себе не позволял. Такие крутые повороты в полиции тогда не одобрялись, считалось, что это учреждение функционирует только для блага государства, а не какой-то одной, пускай даже влиятельной и перспективной, политической партии. Однако при случае не слишком явно, но выказывать свои симпатии к Гитлеру в данной ситуации следовало. Что Леман и делал. Как видим, это не прошло незамеченным и сказалось на его дальнейшей службе в политической полиции, а затем и гестапо.

Глава 2

Не следует думать, что уже на первой встрече Леман рассказал Корнелю всю свою жизнь. Ничего подобного. Излишней откровенностью старый профессионал полиции и контрразведки отнюдь не страдал. Да и Корнель был не настолько наивен, чтобы задавать с ходу слишком много вопросов.

Биографию Вилли Лемана, более-менее подробную, составляли многие советские разведчики, работавшие с ним на протяжении 12 лет. Кое-что вообще выявилось лишь после окончания Второй мировой войны, когда не стало ни самого Брайтенбаха, ни Михальского-Корнеля, ни многих других кураторов А/201, берлинских резидентов, руководящих работников московского Центра. Достоверно мы ничего не знаем — можем только представить себе с большой долей вероятности обстоятельства его гибели и примерную дату одной.

Итак...

14 (27 по новому стилю) мая 1905 года в Цусимский пролив (Восточный проход) у острова Цусима, застилая небо клубами темного дыма из бесчисленных труб, вошла 2-я Русская Тихоокеанская эскадра и 1-й отряд 3-й Русской Тихоокеанской эскадры под общим командованием вице-адмирала Зиновия Рожественского. Корабли совершили тяжелый восьмимесячный переход из Балтийского моря на Дальний Восток.

Эскадра выглядела куда как внушительно: 8 эскадренных броненосцев (правда, из них три устаревших), 1 броненосный крейсер, 3 броненосца береговой обороны, 8 крейсеров, 1 вспомогательный крейсер, 9 миноносцев, 6 транспортов, 2 госпитальных судна.

Русские корабли встретились с японским флотом адмирала Хэйхатиро Того. Силы противника тоже были весьма серьезными: 4 эскадренных миноносца, 8 броненосных крейсеров, 16 крейсеров, 6 канонерских лодок, 24 вспомогательных крейсера, 63 миноносца.

Того обладал значительным преимуществом в бронировании кораблей, эскадренной скорости и мощности артиллерийского огня (достаточно привести лишь две цифры: 360 выстрелов в минуту против 134).

Начав перестраивать эскадру в одну кильватерную колонну в 13 часов 49 минут, Рожественский приказал открыть огонь с дистанции 38 кабельтовых (это свыше 7 км). Японцы ответили сосредоточенным огнем по русским флагманским кораблям — эскадренным броненосцам «Князь Суворов» с флагом Рожественского и «Ослябя». Через полчаса «Князь Суворов» вышел из строя, еще через 10 минут был потоплен «Ослябя». Сказалось многократное превосходство в скорострельности и фугасном действии снарядов. Вице-адмирал Рожественский был ранен и утратил управление эскадрой. В ходе дневного боя японцы потопили еще два эскадренных броненосца — «Император Александр III» и «Бородино», а также вспомогательный крейсер «Урал».

Ночью 60 японских миноносцев выпустили по эскадре 75 торпед, потопили броненосец «Наварин», повредили значительно броненосец «Сисой Великий», броненосные крейсера «Адмирал Нахимов» и «Владимир Мономах» — это заставило экипажи затопить их.

К утру следующего дня эскадра перестала существовать, лишь несколько кораблей, в их числе «Адмирал Ушаков», продолжали вести неравный бой. Пять кораблей, включая миноносец «Бедовый», на котором находился раненый Рожественский, сдались в плен. Несколько крейсеров, миноносцев и транспортов прорвались в Шанхай и были там интернированы до конца войны. До Владивостока добрались только крейсер «Алмаз», миноносцы «Грозный» и «Бравый». Японцы же потеряли всего 3 миноносца потопленными и 8 поврежденными.

Разгромом эскадры бесславно для России завершилась война с Японией 1904–1905 годов. Вице-адмирала Рожественского по возвращении на родину предали военно-морскому суду, но не осудили как тяжело раненного в бою. Само слово «Цусима» стало синонимом тяжелого, разгромного поражения, как ранее слово «Панама» — синонимом грандиозной жульнической аферы.

Трагическое сражение (до сих пор оно считается самым масштабным за всю историю войн на морях) наблюдали несколько стоявших на рейде в отдалении военных кораблей нейтральной Герма-

нии. На одном из них старшиной-артиллеристом служил двадцатилетний Вилли Леман.

Симпатии молодого моряка всецело были на стороне мужественных русских матросов и офицеров — он уже был наслышан о бое 27 января (9 февраля) 1904 года экипажей крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с превосходящими силами японцев. До нас дошли свидетельства того, что с той поры Вилли Леман симпатизировал русским, этому чувству не смогла помешать даже кровопролитная Первая мировая война, в которой Россия и Германия противостояли друг другу из-за недальновидной политики своих правителей. Что ж, для инициативщика мотив вполне реальный и серьезный, хотя, конечно, не единственный. И нам ничто не мешает принять его как один из определяющих*.

Вилли Леман родился в 1884 году в Саксонии близ Лейпцига, отец его был учителем. В географии, кстати, таилась одна из причин приятельства Лемана с Куром — тот тоже был саксонцем. В Германии тех лет, да и позднее, землячество сближало даже очень разных людей за пределами родных мест. Дело в том, что земли — Lands — в пределах империи являлись отдельными государствами со своими монархами, правительствами, воинскими частями. Так, Саксония в 1802–1918 годах даже была королевством!

* Героизм русских моряков произвел огромное впечатление на людей во всем мире и вызвал порой весьма неожиданные отклики. Так, австрийский писатель и поэт Рудольф Грейнци написал восторженное стихотворение «Der Wariag» и опубликовал в немецком журнале «Jugend» («Юность»). Русские поэты Н. Мельников и Е. Студенская независимо друг от друга перевели его. Перевод Студенской понравился военному музыканту 12-го Гренадерского Астраханского полка А. Турищеву, и он сочинил к нему музыку. Впервые публично песня была исполнена на торжественной встрече в Зимнем дворце, которую император Николай II устроил для возвращавшихся из японского плена моряков, участников знаменитого боя. Все офицеры обоих кораблей были награждены орденом Святого Георгия, матросы — Георгиевскими крестами и все без исключения — специально по этому случаю учрежденными серебряными медалями «За бой “Варяга” и “Корейца”». А песня «Наверх, вы, товарищи, все по местам!» стала народной, любимой и по сей день...

В юные годы Леман столярничал, любил возиться с деревом, а в 17 лет неожиданно для семьи и друзей поступил добровольно в военно-морской флот. Моряки во всем мире составляли особое братство даже после выхода в отставку. Корабли, на которых служил Леман, участвовали в боевых действиях в германских колониях (которых Германия лишилась после Первой мировой войны). Поэтому он всегда с гордостью носил уже в гражданском галстуке значок-булавку Союза бывших «африканцев». То была старая германская традиция — членство в многочисленных военных, спортивных, студенческих, певческих союзах, ферейнах, землячествах и т. п. Ко всему прочему, это обязывало к оказанию «своим» всякого рода содействия, поддержки, помощи.

На флоте Леман прослужил 10 лет. После демобилизации — вновь неожиданный поворот — он не возвращается на родину, а поступает на службу, в полицию Берлина, здесь охотно привечали отставных военных как людей дисциплинированных и добропорядочных. Вскоре он становится сотрудником контрразведывательного отдела, который тогда маскировался под «политический». Здесь-то и свела его судьба с Эрнстом Куром, который по странному совпадению оказался не только саксонцем, но и выходцем также из учительской семьи. Дальше — больше. Несколько лет, вплоть до того момента, когда Леман смог снять хорошую квартиру на Кармен-Сильверштрассе, они жили по соседству в одном квартале. Зачастую летом по выходным отдыхали вместе на Тегельском озере, здесь Вилли держал собственную моторную лодку.

Кур был опытным полицейским, с хорошим стажем контрразведывательной работы, и на первых порах он взял над начинающим коллегой профессиональное шефство.

Как мы уже сказали, Кур не произвел на сотрудников резидентуры особо благоприятного впечатления — уж в очень незавидной ситуации пребывал. Однако со временем, когда о нем навели справки (профессионалы называют это «установкой»), к нему стали относиться более серьезно. Оказывается, еще не так давно Кур считался крепким профессионалом контрразведки. В полиции он служил с 1904 года и в Первую мировую войну отличился в раскрытии крупного русского шпиона Мечислава Ягодзинского. История эта в свое время наделала много шума — она действительно выделялась на фоне достаточно частых тогда во всех воюющих странах

шпионских дел. Ягодзинский через Финляндию и Швецию проник в Германию, где под псевдонимом Петр Андреев успешно выступал с сеансами модной в ту пору мнемотехники. А попутно, пользуясь тем, что был вхож в салоны влиятельных особ, собирал важную политическую, а то и военную информацию и сложным, хитроумным путем передавал ее по назначению.

Леман оказался хорошим другом. Когда в 1925 году Кура выгнали из полиции без пенсии, Вилли единственный из сослуживцев не отвернулся от него, поддерживал и морально, и материально. Последнее, кстати, в Германии (в тех кругах, к которым принадлежали приятели) как-то не практиковалось. Даже на совместных загородных пикниках каждый участник ел только те бутерброды, которые захватил с собой из дома.

Чаще всего, чтобы свести концы с концами, Кур... малярничал, потому как когда-то в юности овладел этим мастерством. (В свое время в советской пропагандистской литературе Адольфа Гитлера, в молодости не слишком удачливого художника, презрительно называли маляром. Дело в том, что по-немецки слово *maler* означает именно «художник». В русском же языке оно стало обозначением совсем другой профессии. Кстати, вовсе не обидной, но весьма даже уважаемой и нужной.)

В конце концов Леман подсказал Куру возможность не перебиваться случайными заработками, но обрести достаточно постоянный и приличный доход. При этом — с дальним прицелом, имея в виду собственное в будущем участие в этой акции, которая, на первый взгляд, могла показаться рискованной авантюрой.

Читатель, безусловно, понимает, о чем речь, но об этом впереди.

В самый разгар Первой мировой войны, в 31 год, Леман женился. Его тесть и теща содержали в Силезии, почти на границе с Польшей, небольшую гостиницу с ресторанчиком. Леману не раз намекали, что по выходе на пенсию ему предстоит продолжить семейное дело. Это очень в немецком духе — еще в молодые годы планировать свое пока далекое будущее. В Германии такая предусмотрительность никого не удивляла, была в порядке вещей и у аристократов, и у зажиточных бюргеров, и у бауэров, и у государственных служащих, и у военных. Однако сам Вилли и его жена Маргарет больше склонялись к тому, чтобы по достижении пенсионного возраста открыть частное детективное агентство — такие в Европе, да и за оке-

аном, уже существовали. Невероятной популярностью у читателей пользовались бесконечные «выпуски» — брошюры о похождениях частных сыщиков Ната Пинкертон и Ника Картера. Если бы Леману удалось открыть такое агентство, скромнее — бюро, его богатый профессиональный опыт весьма сгодился бы, да и помогли бы связи в специфической полицейской среде.

Но пока что Леман добросовестно служил — в тяжелые военные и послевоенные годы его аккуратность и хорошая работа были должным образом оценены начальством.

В Германии всегда существовала жесткая служебная иерархия. Чтобы стать чиновником низшей, затем средней и тем более высшей службы, нужно было обладать определенным образовательным цензом, сдать установленные экзамены, пройти положенную стажировку и т. п.* Лишь через много лет, после того как Леман прошел формальную подготовку, ему присвоили чиновничий ранг криминаль-секретаря, что соответствовало офицерскому званию лейтенанта полиции (младших лейтенантов в Германии ни в армии, ни в полиции никогда не существовало). Напомним, что его друг, Эрнст Кур, так и остался в старших подофицерских чинах.

Получив офицерское звание, Леман стал официально исполнять обязанности дежурного по отделу, через него теперь проходила вся переписка подразделения, в том числе секретная.

Одно обстоятельство, ставшее известным Корнелию и резиденту, сразу повысило интерес к новому агенту.

Самой крупной европейской страной, граничившей с СССР, была Польша, которую тогда в советской печати и речах вождей называли непременно с прибавлением словечка «панская»**. С самого

* Положение частично изменилось после прихода в 1933 году к власти нацистов. Тогда Гитлер без всяких проволочек назначал на высшие и высокие посты в государстве своих сторонников. Тот же Геринг, летчик, ушедший в отставку в звании капитана, сразу стал... генералом от инфантерии. Это был третий генеральский чин — после генерал-майора и генерал-лейтенанта! Почему не генерал авиации? Потому что этого рода войск тогда в Германии просто не существовало. Звание по представлению канцлера Адольфа Гитлера Герингу присвоил престарелый президент Пауль фон Гинденбург.

** Такова была странная традиция. Раз произнесенный «наверху», эпитет становился официально обязательным. Так, Грузия была непременно «солнечной», Украина — «цветущей», а западный капитализм только «за-

первого дня своего существования в XX веке это государство резко отрицательно относилось к восточному соседу. В 1920-е годы с территории Польши в наши приграничные районы проникали контрреволюционные банды, перебрасывались шпионы, диверсанты и террористы. К идеологическому противостоянию приплюсовывалась животная ненависть ко всему русскому («московскому»).

Но не только советская контрразведка на фронтах тайной войны непрерывно сталкивалась с польским шпионажем. Столь же активно и изобретательно молодая польская разведка действовала и... на Западе! В частности, против другого своего соседа — Германии. К тому у поляков имелись некоторые основания: они считали, что немцы никогда не простят им утраты по Версальскому договору части своих земель, «Данцигского коридора» и т. п.

Словом, Лубянку чрезвычайно интересовало все связанное с польскими спецслужбами. Тем более что было известно: добываемая поляками информация о Советском Союзе передается в Париж и Лондон — небезвозмездно, разумеется.

И тут обнаружилось, что Леман стал плотно заниматься оперативной работой против Польши. Произошло это важное переключение его служебных обязанностей после того, как он арестовал, а затем успешно перевербовал агента польской разведки, некоего доктора Моллиса-Лютшита. Через него был взят с поличным важным польский дипломат, также занимавшийся шпионажем. После этого успеха Лемана пригласили на службу в абвер, в военную контрразведку. Но он отказался, понимая, что отставной фельдфебель-артиллерист, а ныне полицейский чиновник невысокого ранга всегда будет чужаком в среде кадрового офицерства (хотя большинство абверовцев пребывало, вернее, числилось тогда в резерве — на основании все того же Версальского мирного договора). Вместо себя Леман рекомендовал принять на службу в абвер... доктора Моллиса!

С той поры у Лемана установились крепкие доверительные отношения с некоторыми сотрудниками абвера, к взаимной пользе. Естественно, в дальнейшем это сыграло свою важную роль.

гнивающим». Д. Шепилов навсегда вошел в историю как обладатель самой длинной «фамилии»: Ипримкнувшийкнимшепилов. Многолетнего генсека КПСС называли только так: «И лично товарищ Брежнев, Леонид Ильич». Попробовал бы кто-нибудь опустить хотя бы словцо «лично»...

Информация о польской разведке, методах ее работы, агентуре и т. п. оказалась весьма полезной для Лубянки и Шоколадного домика, как называли в обиходе штаб разведки Красной армии. С ней весьма внимательно знакомились в «инстанциях» — на советском новоязе это означало ЦК ВКП(б).

Тут автор позволит себе высказать спорное, возможно, предположение.

Общеизвестно, что И. Сталин был одним из виновников поражения Красной армии в советско-польской войне 1920 года. Отсюда, по мнению автора, его патологическая (и взаимная) ненависть к Польше и полякам. Первым маршалом Советского Союза, казненным как «враг народа», был Михаил Тухачевский, командовавший войсками Красной армии в той злосчастной войне и имевший, как говорят, польские корни. Первым масштабным «заговором» в СССР, изблеченным новым наркомом НКВД Николаем Ежовым, был польский. Тогда расстреляли многих государственных, партийных, хозяйственных, военных деятелей — и чекистов! — польского происхождения (а заодно латышей, литовцев, белорусов). Была распущена, якобы решением Коминтерна, польская компартия, как «шпионская», а ее руководители расстреляны. Не исключено также, что преступная и абсолютно необоснованная расправа в Катыни и других местах с тысячами польских офицеров была обусловлена все теми же личными мотивами И. Сталина.

Как бы то ни было, Польша в конце 1920-х годов рассматривалась правителями СССР как наиболее вероятный противник в грядущей войне. Эту точку зрения разделяли руководители Красной армии и ОГПУ. Объективности ради следует признать, что опасность такого рода, с широкой интервенцией держав, стоявших за Польшей, существовала реально. Отсюда и правильные, и ошибочные решения тогдашнего советского руководства — опять же на общепринятом новоязе, «вождей».

Однако вернемся в 1929 год, когда Леман посоветовал Куру для решительной поправки финансов обратиться с предложением агентурного сотрудничества в советское полпредство. Повторяем: Германия и СССР в тот период вовсе не были враждебными государствами. Повредить интересам Веймарской республики обращение Кура на Унтер-ден-Линден всерьез не могло, так почему бы не помочь русским в их обыденной деятельности?